

Евгения Хамуляк

18+

Рассказ в
рамках
#марафонсказок7

ПЛОТ ИЛИ БАЙДАРКА

Евгения Ивановна Хамуляк

Плот или байдарка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64004236

SelfPub; 2021

Аннотация

Этот рассказ написан в рамках седьмого писательского марафона Евгении Хамуляк "Сага о родителях подростков или шнурки изнаывают", посвященного теме воспитания подрастающего поколения. Сложная и интересная тема. И главными читателями станут вовсе не дети, а родители. Ведь с них все начинается: в их головах, душах, взаимоотношениях рождается проблема, которую дети и подростки, словно зеркала отражают, значит, там же будет она иметь и завершение. Главной героине рассказа "Плот или байдарка" много раз придется в этом убедиться и сделать один единственно верный выбор: или плот, или байдарка.

Евгения Хамуляк

Плот или байдарка

Глава 1. Сумбур в голове. Хаос в жизни

Мария Карловна сидела за столом, на котором были разложены фотографии мужчин: четверых сыновей и мужа. В комнате стояла полутьма. В этой части дома сейчас никого не было. Женщина смотрела на фотографии так, будто видела изображенных на них людей впервые.

Несколько раз Мария Карловна закрывала ладонями умело накрашенные глаза и горько плакала: по-женски тяжело, со вздохами от отчаянных, заглушенных в большой груди истерик, особенно когда взгляд падал на фото младшего сына Шурика. Затем немного успокаиваясь, она отделяла его фотографию от других, клала на конец стола, а потом, будто скучая, опять возвращала его в общий ряд, на первое место.

Ее крупные красивые руки, как и положено рукам врача акушера-гинеколога, ухоженные, но с коротко стриженными ногтями, не могли наиграться в эту игру с фотографиями. Со стороны это походило на сумасшествие.

В голове же происходили другие игры. Игры разума.

Несколько часов назад Мария Карловна вернулась с семинара по семейной психологии. Его вела какая-то молоденькая татарочка, худенькая, как тростинка.

– Рожать такой сложно будет самой, – сразу подумала Мария Карловна, глядя на узкий, мужского строения таз психологини. Еще ее смутило, что она – именно татарочка, хотя в их городе проживало много татар: и религиозных, и не очень. Эта была не очень, слава Богу. Современная такая, кроме разреза глаз больше ничего и не выдавало другую кровь. У Марии Карловны были предубеждения насчет всех религиозных, а также национальных меньшинств. Хотя в своей работе она никаких различий для женщин не делала. Перед светом новой жизни все равны. Но она не хотела, чтоб ее уму-разуму учили по каким-то неведомым канонам, которых она не ведала и не разделяла.

И еще возраст смутил. Хотя Галя, секретарь с работы, которая ее, собственно, и нашла, так как умела пользоваться этими новомодными социальными сетями, предупреждала, что психолог на фотках выглядит молоденькой, но с опытом и рекомендациями.

Но все равно смутило. Тридцать лет?! Что это? В тридцать лет ее Борис Анатольевич, любовничек давний, светило в гинекологии, с кем она тогда в одной команде работала, только уговорил Машу доучиться на врача. А начинала она простой акушеркой, хоть и заменяла старшую много раз и вообще в чрезвычайных обстоятельствах ее всегда вызывали, потому что можно было доверить разные случаи. Поэтому начальство-то и уговаривало доучиться и расти дальше.

В тридцать пять она только обрела себя: настоящий врач

с большими руками, способными держать в кулаке лучшую бригаду акушерок, медсестер, а после долгой и напряженной работы еще и семью.

Каждый врач, да и любой занятой человек, зарабатывающий на большую семью, понял бы Марию Карловну, посвятившую львиную долю своей жизни работе, но прозрение, что дробтики метались не в ту цель, а драгоценные яйца собирались не в то гнездо, наступило слишком поздно, когда ребята уже почти выросли и некоторые даже вылупились из этого самого гнезда. Кроме Шурика – последнего мальчика.

Мария Карловна опять тяжело вздохнула. Раньше ее никогда не настигало отчаяние, а моментов для этого находилось пруд пруди. И несчастливая любовь с Николаем, и грустные, порой, раздирающие душу расставания с любовниками, и смерти рожениц и детишек прямо на ее руках – такое она принимала близко к сердцу и долго отходила. Но никогда не доходило до точки, когда она готова была покончить жизнь самоубийством. Как сейчас. Еще одна точка, еще один приступ Шурика и... она посмотрела на нож, который также лежал недалеко от фотографий. Ее помощник, ее инструмент, который она часто брала в руки, спасающий жизни, но способный ее лишить... способный избавить ее от вида полумертвого ребенка, валяющегося на полу с перерезанными венами.

Ей не было страшно умирать. Во-первых, плакать по ней особо будет некому. Наверное, даже пациенты будут тоско-

вать больше, чем семья.

Николаю она до лампочки. Последний секс у них был лет пять назад, да и то по пьяни: оба расслабились на свадьбе племянника, и забыли странным образом совместные претензии. Наутро все вернулось на свои места.

Дети? Старший Гриша давно женился, работал на крупном шиномонтажном заводе. Работы невпроворот, постоянно поднимался по карьерной лестнице, пропадал сутками. В мать пошел. Мать им гордилась. И хоть жили не так далеко, а виделись три раза в год.

У Грини давно имелись свои дети, куда уходило его последнее тепло. А ее тепло ему было не нужно. Точнее, оно было нужно когда-то, но тогда Марии Карловне была нужна больше работа, чем маленький сынок, и сыновий огонек тепла со временем угас... Она зарыдала. Она зарыдала и чуть не задохнулась от нехватки воздуха. Все просрала со своей работой. Сама дала парню жизнь, сама эту жизнь просрала на своей работе. Спасибо, что Гриня ее хоть матерью зовет. Спасибо, Господи, что у него есть жена, вторая мать, которой он, по крайней мере, нужен. В общем, отрезанный ломоть, правду люди говорят. Отрезанный не жизнью, а самой матерью.

Кузя. Кузьма. Как только среднему сыну исполнилось шестнадцать, и он выпросил паспорт, на следующий же день его след простыл вместе с вещичками из комнаты. Сначала

подняли тревогу, но он позвонил сам и сказал, что так надо, что жить с ними не будет, просит денег, но если не дадут, не обидится.

Мать с отцом чуть не ошалели, но он обещал звонить каждую неделю, иногда просил подписать и выслать какие-то бумаги, пока несовершеннолетний. По подписанным доверенностям родители поняли, что Кузя не шутил, его помотало по земному шару, будь здоров. Чем занимался, непонятно. Но после полугода такого пропадания, когда родители поняли, что родили цыганенка, вернулся, чтобы показаться, что живой, здоровый.

И опять за бумагами: делал еще один загранпаспорт, хотел рвануть подальше от родины. На вид был вполне упитан и ответственен, и Мария Карловна, понимая, что изменить мужское решение нельзя, сделала, как просил сын, умоляя хотя бы звонить. Он звонил. Раз в месяц, регулярно. Сердце, обливаясь кровью, сделало пометку: «еще один отрезанный ломоть».

Третий сын Васька.

И тут она опять отодвинула фотографии от себя, посмотрев в окно, вспоминая сегодняшний день, а точнее, вечер.

Дела с семьей обстояли плохо, только работа спасала дело. Всегда поддерживающий принцип: если не помогают антибиотики и капельницы, значит, надо просто переспать, переждать и перепукать проблему – помогал ровно сорок во-

семь лет. Ровно до этого момента. Когда дела пошли совсем плохо.

Вася пил. Пил конкретно и беспробудно. Потом пробуждался, три месяца возвращался к обычной жизни: работа ай-тишником, мотики, девушки, музыка.

Вася был красавцем, умницей, музыкантом. Но два года назад стал пить. И пил он из-за панических атак. Она сходила с ним к психиатру, тот выписал сильные лекарства. Поначалу Вася отказывался пить «наркоту», как он выражался, но жить со смертельным страхом, который убивал его по чуть-чуть каждый вечер, становилось невыносимо. Мария Карловна и тут не смогла бросить свою жизнь, чтоб отдать ее третьему сыну. Точнее, она хотела, но не могла. Поэтому кое-как уговорила его пить таблетки, несовместимые с алкоголем, которые Вася все-таки совмещал на Новый год, 23 Февраля, Восьмое марта и другие праздники. Попахивало бедой. Попахивало, но привычка – вторая натура, желающая властвовать, требующая прежней жизни, не чующая опасности изменений, не слышала набатов. Вася не смог пробиться через эту вторую натуру Марии Карловны.

Шурик разбудил мать. Разбудил мать-ехидну.

Глава 2. Пробуждение матери

– Вас разбудил Александр, – так и сказала татарка-психолог тридцати лет, у которой еще молоко на губах не обсох-

ло, но был сухой и решительный взгляд, в котором читались правда и смелость эту правду высказать. Ужасная профессия.

Мария Карловна скорбно кивнула. Сейчас кивнула, в темноте, у себя в зале, разложив фотографии на столе, как просила Лейсян.

Четыре часа шел тренинг, четыре часа разбирали случай Марии Карловны. Косточка за косточкой. Нерв за нервом. Боже, как она была благодарна этой татарке. Это она ее разбудила, вылив холодный ушат плохо пахнущих иллюзий с амбициями на дурную голову.

– Вас разбудил Александр от глубокой комы, Маша, – на тренинге все переходили на ты несмотря на возраст, но для удобства. Маша не была против, хотя резало слух, ее с тридцати лет не называли Машей.

– Кома, когда не чувствуешь ничего, хотя можешь даже слышать и видеть, – говорила эта Лейсян. – Ваша семья – это не только четверо ребят, муж и вы, – а огромный симбиоз живых и уже умерших родственников, ваших друзей, коллег, соратников, даже животных, которым принадлежат схожие чувства, мысли и даже поступки. И здесь все связаны, как в той песне, одной цепью, только стальной или даже чугуновой. – Вы обратились потому что... – Лейсян рукой призвала рассказать свою историю. Это было второе обращение к Марии Карловне, которая никак не могла сформулировать проблему, хотя у нее тоже был сухой и твердый характер и

способность выражать правду.

– Мой мальчик стал чудить. Мой четвертый сын стал чудить, – все пыталась подойти к сути, но никак не решалась на людях сказать правду женщина.

Она б никогда и не рассказала, но ситуация зашла в такую стадию, в такой тупиковый тупик, что ей – врачу высшей категории – пришлось обращаться к психологу.

Вообще-то Мария Карловна всех психологов, гомеопатов и прочих, кто не владел скальпелем, считала шарлатанами и не верила в их штучки-заманухи про душу, эфирные тела, прошлые жизни, хотя на своем веку гинеколога узрела руку Божью, иногда-таки вмешивающуюся в человеческий процесс бытия. Случались и чудеса спасения, и престранные необъяснимые случаи. Может быть, именно этот опыт как раз и сподвиг ее раз в жизни поверить не в скальпель, а в лекаря душ.

Но все же она пыталась жить и мыслить материалистически, заболело ухо – антибиотики, заболел глаз – противовоспалительное, порезалась рука – всегда есть капли, гипс, бинты. Но в этот раз сильно болело в месте, которое не потрогаешь, не уколешь, не прооперируешь: ныло все тело до последней мозговой косточки.

Теперь она понимала Васеньку, у которого болело так, что он запил, и не пиво, а залил горящую рану спиртом и сразу сделался чужим, неродным. Увидев злого, небритого обо-

рванца, Мария Карловна тут же подтянула медсестру с капельницами. И Васю раз в месяц капали. Ловили и капали. А он все равно сбегал и пил с бомжами.

Мария Карловна не могла этого понять. Как прекрасный мальчик Вася с музыкальным образованием (к ним ведь специально музыкант ходил уроки давать), красивый, высокий, талантливый – и вдруг с бомжами? Капельницы чистили кровь Васи, на это денег не жалели, но скоро и капельницы перестали помогать, панические атаки прорывались. Мария Карловна пыталась подключать других докторов, ведь сама специализировалась на других вопросах. Но те разводили руками – только сильнейшие наркотики.

Вася кричал, будто его режут на куски. Забивался в угол и по два-три часа кричал. Мария Карловна вызвала специальную медсестру, сама-то она пропадала на работе, муж тоже не мог отвлечься. Да и кто бы смог каждый день по два часа сидеть в углу с сыном, у которого поехала крыша. А это заболевание... не было контузией, это было расстройство психики.

– Шизофрения, – просто сказала подруга – заотделением для именно таких больных. – Тут только транквилизаторы. Начнем с легкой дозы, может повезет, на ней и останемся.

Мария Карловна не могла поверить, но другого выхода не было. Вася заглушал страх умереть порезанным на кусочки, задушенным, расстрелянным... алкоголем. И тут стоял вопрос: или алкоголизм, или контролируемое сумасшествие.

Выбрали тяжелые наркотики, которые сделали Васю «нормальным», но вялым и более не интересующимся ни музыкой, ни девушками, ничем. Он спал по шестнадцать-восемнадцать часов в сутки. Мария Карловна даже успевала сходить на работу и сделать дела по дому, а Вася лишь периодически выходил из своей комнаты. Но Мария Карловна понимала, у мальчика болит не шея и не голова. А то, что она не понимала.

Тут болело другое... Но даже с этим семья как-то сжилась и даже походила на обычную, вполне счастливую и нормальную.

Гриня ушел в свою работу, семью и, похоже, стыдился встречаться с родительской, где беда сидела на беде и бедой понукала. Это было больно, но терпимо и даже объяснимо. У него уже росли свои два пацаненка. Марии Карловне было немного стыдно, что она как бабушка не помогает с внуками, но она зато, как могла, помогла с родами этих внуков, сделав все по высшему разряду: как принцессе, Ленке и устроили роды в воде, и вкололи эпидуралку, и посадили круглосуточную медсестру. И вот няню оплатить Мария Карловна сколько раз предлагала снохе, но та все отказывалась, решив посвятить себя детям, отдавать им каждую минуту материнского тепла.

А Мария Карловна впахивала, как папа Карло, и не могла дарить свое материнское тепло, зато как только села в кресло врача-гинеколога, как только заслужила толику уважения от

пациенток, сразу же взялась за платное сопровождение родов, которое приносило приличные деньги – в пять-десять раз больше, чем зарплата. Но зато Марию Карловну посреди ночи вызывали в разные уголки города, и она неслась, как скаковая лошадь, чтоб хватало и на куртки с джинсами, и на приставки к компу, и на мотики, и на каски, и на алкоголь. Из двухкомнатной они переехали сначала в трехкомнатную, потом в другой район с новыми домами, а потом и совсем разжились своим домом с шикарной кухней, где Мария Карловна обычно только успевала выпить черный чай с бергамотом и снова унести в пренатальный центр – теперь так называлась частная клиника, где работала высшей категории врач Мария Карловна Земина, к которой стояла очередь на роды.

А уж какие дорогущие подарки ко дням рождения внуков передавала.

– Это ведь тоже любовь! – настаивала Мария Карловна на семинаре. – Я деньги на эти подарки, шмотки и всякую ерунду не с неба беру. Это мой труд, мои бессонные ночи. Мои потери, отказы от научной деятельности в пользу денег. Это есть внимание, в конце концов.

Лейсян с ухмылкой отрицательно мотала головой, и Мария Карловна замолкла.

– Вы говорите неправду. Это не внимание. Это откуп.

Глава 3. Дети учат

– Да, это откуп, – сказала вслух гинеколог высшей категории, только сидя у себя дома, в зале за столом, ночью без света. Психологине она не могла сказать правду, ее рот будто зашили нитками. И опять зарыдала, тихо и больно, в груди что-то упало. Это было сердце, которого женщина давно не ощущала. Сердце, которое хотело любить не клиенток с пациентками, коллег и любовников, а своих сыновей, которые выросли часом и превратились...

– В сплошные проблемы, – закончила Мария Карловна, опять принимаясь разглядывать фотографии в темноте. – Что там сказала эта девчонка? Каждый из сыновей меня учит...

– Вы сильная женщина, если б вас учили ваши мужчины, вы б не поняли уроков. Мужья, любовники – от них легко избавиться сильной женщине, которая сама себя на машине отвезет, техосмотр пройдет, дрова наколет и очаг затопит, ужин приготовит, особенно в наше-то время микроволновок и наемного труда... Поэтому Бог, – Лейсян подняла палец вверх, – кем бы он ни был, решил сделать вас лучше через ваших детей, выбрав самое слабое звено.

– Шурика, – догадалась Мария.

– Каждый из сыновей вас учит и обязательно научит чему-то очень важному. Чем быстрее вы усвоите урок, тем меньше боли причините сыновьям. Они – ваше тело и душа.

Свои вы растеряли где-то.

Мария Карловна взяла фотографию мужа, но отставила в сторону, его физиономия вызывала болезненные ощущения, хотя они уже много лет не ссорились, а просто жили один возле другого. Спали в разных комнатах, но в остальном придерживались семейных уз. Расходиться не было смысла. Ради чего? Оба – взрослые люди, ставшие друг другу чужими, при этом одновременно оставшиеся близкими, на них обоих висели обязанности, кредиты, общие интересы, родня, четверо сыновей, у которых были проблемы.

Гриня. Еще раз к Грине. Григорию исполнилось двадцать пять. Или двадцать шесть? Мария Карловна вспоминала с трудом, но решила не уточнять: сейчас считать в уме было невозможно с растекшимися мозгами и соплями. Хороший мальчик, спокойный. Она отсидела с ним в декрете дольше всех – шесть месяцев, потом сбежала на работу. Его по большей части воспитала мать Марии Карловны, Антонина Львовна.

С мамой Мария не разговаривала последний год из-за кредита. Мама попросила взять два миллиона рублей для брата Марии Карловны, а она отказалась, потому что чувствовала себя дойной коровой для всей семьи, которая раз в месяц появлялась для просьб и нужд материального характера. Мать обиделась. Обиделась и Мария Карловна. С тех

пор молчание.

Гриня по мальству иногда путал бабушку с мамой. Но научившись говорить, понимал эти два нехитрых слова и еще одно – «работа».

– Мама на работе, – слышал мальчик на любой призыв.

Он был отличником. Везде: в школе, техникуме, институте, на работе. О его успехах Мария Карловна узнавала на расстоянии – из телефонных звонков сыну, редких встреч, из рассказов других.

Одним словом, у нее не было сына. С таким же успехом ее сыном мог быть китайский студент в далеком Гонконге, и она бы также смело им гордилась. Первенец был настолько идеальным, что стал самостоятельным слишком быстро, и она потеряла его из виду почти сразу же после школы. Только редкие фотографии с выпускных, свадьбы, дней рождений связывали их на фотоснимках.

– Чему ты меня учишь? – спросила мать сына с фотографии.

– Придите домой, сядьте в тишине, возьмите фотографии ваших настоящих, нужных мужчин и спросите каждого: чему они вас учат?

Мария Карловна так и сделала.

Муж Николай на охоте, его не будет еще четыре дня, Гриня и Кузя уже давно не живут с семьей, Вася всегда сидит, закрывшись в своей комнате, где Шурик, мать не знала. По-

что одна.

– Ты учишь меня, дорогой, уделять внимание тем, кого ты по-настоящему любишь. А любишь ты только тех, кто любит тебя. Я не любила тебя, Гринечка. Родить родила, а любить не любила. Вот и ты меня не любишь. Если сама не позвоню, и ты не позвонишь, – сама с собой беседовала врач высшей категории. – Нету у меня сыночка. Одинокая я.

Взгляд переметнулся с красивого сурового лица на другое, худощавое с ухмылкой.

– Если Гриня хоть на день рождения звонит, с тебя Кузя и этого не допросишься. В четырнадцать лет как умер, – она заплакала, но почему-то через смех. – Грех так говорить. А ведь ты как умер. Ушел, и с концами. Поймать тебя, что ветер ловить. Где ты теперь, сыночек мой любимый? Такой веселый, такой ласковый, мог стишок один раз услышать и рассказать по памяти. Пропал без вести. Как отрезали.

Веселое лицо смотрело бесстрастно, будто говорило: ты на себя посмотри, мать, тобой вожжами и уздечкой только управлять можно. Неуправляемая, безбашенная, своевольная.

– Васенька, – сказала женщина и тяжело вздохнула. Красивый юноша, будто ангел, смотрел на мать с фотографии. Но видела Мария Карловна только пустые бутылки водки, капельницы и транквилизаторы. А ведь когда-то гитара, голос, талант, аплодисменты.

– Чему ты меня учишь, сынок? Не летать в облаках ты меня учишь. А я, как улетела в четырнадцать, так и больше на землю не возвращалась.

Она кивала всем троим.

– Вот и ты теперь вроде есть, а вроде тебя и нет, – она представила его сидящим на своей кровати, полностью погруженным в игры, где было место танкам, зомби, еще какой-то дребедени, но не реальной жизни. Жизни без нее. И без игр он уже не мог обойтись, а без матери мог, как оказалось.

Игры его успокаивали, как и наркотические пилюли, иначе эти войны, взрывы, убийства разворачивались у него в голове и нападали на него по два, иногда по три часа, не отпуская ни на секунду. Он кричал, кричал так, что разрывалось сердце. Ей звонили, когда он кричал, ее сердце тоже разрывалось, но не настолько, чтоб бросить работу и бежать спасти его от фашистов или зомби. Она нанимала специальных людей, чтоб те следили за ним. Так было и в детстве. Собственно, у всех детишек были няньки, но Мария старалась: выбирала нянек, как в армии, чтоб и с медицинской книжкой, и обязательно Есенина от зубов знали. А у Васи вообще нянькой племянница из деревни была, не чужой человек.

– Но вы платили ей деньги? – спросила Лейсян, сверкнув глазами.

– Естественно! – тоже сверкнув глазами, ответила Мария.

– И матери платили за то, что она с Григорием сидела и

с другими помогала.

– Естественно, – словно попугай, но уже не так уверенно отвечала гинеколог.

– Вы сами-то хоть понимаете, что вы говорите? – со сверкающими глазами, при этом полными сострадания, как к больной, продолжала расспрос психологиня. – Вы платили деньги другим, своей матери, чтоб они любили и наслаждались вашими детьми, тогда зачем вам они были нужны? Зачем вам Шурик, Вася, Кузьма и Григорий, и ваш муж Николай? Зачем они вам здоровые и счастливые? Ведь они и так сейчас есть: нездоровые и несчастливые. Вы жили все эти года неплохо с этой мыслью. Что изменилось?

Марию Карловну как громом поразило, она сидела ошарашенная и оглушенная.

Ведь она сотни раз в своей практике задавала этот дурацкий вопрос непутевым мамашам:

– Зачем тебе ребенок, дура-мать? А все это время, словно кривое зеркало, сама являлась росомахой, рассовавшей детей по чужим норам за деньги.

А ответить на вопрос, зачем ей Шурик здоровый, Вася непьющий, Кузьма и Гриня рядом, муж счастливый – не могла.

Действительно, зачем?? Она нехорошо рассмеялась, сама понимая, что похожа на сумасшедшую, которую просят сложить два плюс два, а она не помнит ответа, будто его стерли

из памяти.

– Сколько у вас было мужчин? – спросила Лейсян, но Мария Карловна не нашлась, что ответить. Если считать за всю жизнь, то пальцев не хватит. Если тех любовников, которые рубцы на сердце оставили, то четверо.

– Аборты?

– А это имеет значение? – буднично поинтересовалась гинеколог. Ей вовсе не было стыдно в группе признаться в том, что делала аборт, просто она не понимала, зачем нужна эта информация? Аборты – это бытовая сторона половой жизни любой современной женщины, как спираль, как таблетки, как чистить зубы, как макияж или маникюр.

– Это были не дети, – сама себе сказала Мария Карловна и вдруг похолодела, впервые в жизни осознав, что это могли бы быть дети, ее дети, а она их убила на корню. Даже не дав шанса глотнуть этого воздуха. Даже не дав шанса увидеть Гриню, Кузьму, Ваську и Шурика. Если б это были сестры, то они б, скорее всего, проводили больше времени с братьями и уж точно ухаживали за ними лучше, чем тетки-поварихи, которых просила Мария приходить и кормить мужиков, мыть за ними... Если б у нее были дочери...

– Пятнадцать, – ответила Мария Карловна и похолодела. А еще она вспомнила, сколько сама наделала абортов за жизнь, даже глазом не моргнув, отправила на тот свет сот-

ню людей, а вместе с ними разбитую жизнь матерей, которые только думали, что избавились от проблемы.

– Проблемы начинаются тогда, когда живые дети начинают играть и жить за мертвых, тех, кому не дали шанса. И начинают бояться свою мать, потому что она убийца им подобных. Это инстинкт.

Всю эту жуть Мария слушала и понимала, что слышит правду. Ее дети были чуть-чуть мертвы.

– И мать, думая, что расстанется с проблемой, кладет тяжелейший камень на сердце в виде мертвого ребенка. – Лейсян посмотрела на Марию и спросила уже во второй раз. – Так с какой неразрешимой проблемой вы пришли ко мне, зная, что наслушаетесь здесь такого, чего раньше не принимали близко на дух. Что случилось с сыном?

И даже в третий раз Мария замолкла, не в силах высказать боль.

– Вы выцарапали ваших детей из лап смерти, по-видимому, нечеловеческим тяжелым трудом врача, спасая жизни женщин и детей. Но не все можно простить, кое-что вам придется сделать самой.

Это было настоящей правдой, нечеловеческим трудом Мария Карловна подняла клинику, заработала себе имя и сейчас брала себе только запланированные роды, чтоб не бе-

жать в ночь сломя голову. Но были и другие времена, когда на нее вешали только тяжелые случаи, зная, что ее стержень выстоит, что ее репутация не пострадает, что она справится с бедой, где обычно ждал летальный исход. И она бралась за такие случаи. Она находила силы на них, хотя и ее они подтачивали.

Тут же перед глазами всплыл последний случай, когда у одной, кстати, тоже татарочки, под сердцем зародились двое, но один из близнецов стал развиваться, затрагивая желудок матери. К сожалению, такую аномалию послали к Марии Карловне тогда, когда стало понятно, что ребенок и мать не выживут. Выживет только один из близнецов, развивающийся нормально. Это был вердикт. Нужно было принимать решение: говорить правду счастливой матери, которая лежала на сохранении в клинике в предвкушении увидеть близнецов, или не говорить? Совещания с родственниками длились несколько дней. Несколько дней Мария Карловна не спала. Каждое утро она шла на работу, думая о девушке, у которой не было шанса выжить, как и у одного из близнецов. Мария Карловна боролась за эти жизни, и в то же время лишала жизни другие живые души. Вот такой парадокс.

Девушка умерла, не зная, что один из сыновей умер. Другого усыновили родственники. Муж был не в состоянии смотреть на выжившего сына, он был вообще не в состоянии жить после такого удара судьбы. Мария Карловна теперь понимала этого мужа, она тоже была более не в состоянии

жить, ходить на работу, есть, одеваться... Ее жизнь остановилась вместе с решением Шурика.

Глава 4. Зачем?

– А вы зачем рожали четверых? Четверых? – тонкие брови Лейсян по-детски поднялись вверх.

– Как зачем, – разулыбалась Мария Карловна. Это было еще в начале семинара. И улыбка ее была немного злой, еще какая-то нерожавшая сопля с тазом мальчика-подростка четырнадцати лет будет ее, врача высшей категории, мать четверых сыновей, спрашивать, зачем она рожала.

– Чтобы дать им жизнь! – защищалась Мария.

– Давайте не будем терять время и отнимать его у других участников семинара, – детские брови Лейсян вернулись в горизонтальное упрямое положение, как безжизненная линия на аппарате дыхания, – детей рожают для себя. Для себя любимой. Для себя всегда. Даже если думают, что рожают для мужа, страны, для самих детей. Всегда рожают для себя.

– Для себя любимой, – тихо повторила за ней Мария.

Господи, для себя. Но у Марии Карловны даже на язык не ложились эти слова: «для себя любимой». Ни «для себя», ни «для любимой» никогда не существовало.

Хотя нельзя сказать, что она совсем уж не видела детей: она их и кормила до года, а Шурика и Ваську до двух лет, они регулярно ходили то в цирки, то в театр, на новогодние елки.

У Марии Карловны имелись все фотографии с новогодних елок, и только пару раз пришлось Николаю самому везти детей из-за неотложного случая на работе. Этих моментов было мало, но они ярко, словно звездочки, блестели в памяти. Она ими гордилась, она рассказывала про них коллегам. Все восхищались Марией Карловной: как она успевает вести такую активную деятельность, имея такую большую семью. А она, оказывается, не успевала. Никак не успевала.

– Муж может уйти к другой, молодой. Может и вовсе умереть. Или охладеть, разлюбить. Мать ребенка не бросит никогда. Если, конечно, она не ехидна.

Мария Карловна не была ни ехидной, ни росوماхой. Она была полной дурой к своим сорока восьми годам!

– Вы их выцарапали из рук смерти, понимаете? – Мария Карловна нутром ощутила царапины той смерти, что прошла по ее душе и семье. – Но посмотрите на себя, ведь и вы одной ногой в могиле... – строго сказала Лейсян, подытожив сумбурный рассказ клиентки о той непростой запутанной ситуации, с которой та пожаловала. – Грыжи – это симптоматика достаточно исследованная психологами.

– Грыжи – это обычное явление для хирургов: у меня по две, порой, три операции в день. Все время на ногах. Стрессы, – оправдывалась врач.

Лейсян отрицательно покачала головой, это было неваж-

но.

– Есть и другие профессии на ногах, но у них нет грыж. Грыжи – это непосильное бремя, которое берет на себя человек, вставший на место Бога. Комок или сгусток ответственности, собственной значимости, права судить, решать за других, право отнимать право. Человек, взявший на себя власть знать, что хорошо, что плохо, за других. Ставить им судьбоносные диагнозы, и это не касается здоровья. Такое нагружает. В зависимости от типа самовластия, различаются и грыжи. Ответственность за чужие жизни и решения – блокируются шея и плечи, где хранится чрезмерная гордость быть ответственным за других. Неумеренное желание раздавать другим советы или подгонять под клише – нагрузка на поясницу. Поясница – это уже тяжелый случай: немогущая разогнуться или поклониться, она помыкает родными, особенно матерью и отцом, которые валяются у гордых, скорее всего, немогущих согнуться и в коленях ног.

Отца хорошо Мария Карловна не помнила, но точно знала, что он – полная мразь: алкаш и конченный человек. Вроде он что-то даже представлял из себя в начале жизни, из рассказов мамы, но потом спустил в сортир и планы, и талант, и красивую наружность, и их семью из четырех человек. Жив ли он сейчас, было неизвестно да и неважно.

Зато мама была очень важна для Марии Карловны, она

много ей дала: жизнь, образование. Но еще больше помогала маме и двум другим братьям сама дочь, к которой регулярно раз в месяц шли за займами и с разными просьбами. Поэтому мать Мария Карловна воспринимала как младшую сестру, а точнее, как дочь, которой постоянно требовалось что-то. В основном деньги. Но подобная ситуация давно устоялась и «не болела», потому что Мария Карловна привыкла, что она – отец, мать и даже Бог-распорядитель семьи, что являлось правдой.

Муж Николай был здоровым, рукастым мужиком, который многое на себе вез: ухаживал за домом, сидел на выходных с мальчиками, когда Мария Карловна была на работе. Но в плане духа, стержня, принятия решений являлся все-таки подкаблучником. Возможно, благодаря именно этому их брак до сих пор держался, хотя в нем давно не осталось ни любви, ни секса, только какие-то призрачные уважение и привязанность, накопленные за эти года.

– Грыжи – это тонкое место, стоит только взять на себя еще парочку чужих жизней, оборвется ваша.

Мария Карловна тогда не поняла. Да, она врач, хирург, гинеколог, ей приходится брать ответственность за чужие жизни. Но здесь, дома, хорошо поразмыслив, а еще потрогав вечно больную спину, на лечение которой уходили приличные деньги, потому что там действительно всегда было тонко, она поняла телесно-душевную взаимосвязь.

Хотя чисто внешне Мария Карловна являла образец идеального женского здоровья и красоты: крупная, ширококостная, с большими красивыми руками, большими ногами. У нее не было ни грамма жира, тонкая талия, как раз под ее тело, являлась предметом зависти со стороны и ее личной гордостью. Но никто не знал, какой груз лежит с обратной стороны талии, на пояснице. Как муж Николай вынужден был освоить простые навыки неотложной помощи больной спине жены, таскать ее на руках, а иногда при помощи сыновей на самодельных носилках нести до машины, чтоб отвезти в больницу. Сколько химии было выпито, сколько уколов сделано, сколько курсов массажей и прочих процедур освоено. Сколько отменено событий и мероприятий из-за невозможности подняться с кровати этой красивой, молодой, активной женщине.

– Васечка хотел меня научить больше уделять времени семье и дому. А теперь вместо меня безвылазно сидит, будто инвалид, прикованный к дивану и к своему компьютеру, – прозрела Мария Карловна и улыбнулась в темноте, будто наконец поставила диагноз неразрешимой болезни Васи. Но улыбка слетела с губ, мать потянулась за фотографией последнего сына, Александра Земина.

Глава 5. Александр

– Что случилось? – в третий раз спросила Лейсян и тя-

жело вздохнула. Ранее она предупреждала группу, что если участник не может с третьего раза сформулировать проблему, больше вопросов не задается. Проблема условно не считается проблемной, потому что человек не может ее выговорить, а значит, она остается при нем. Она нужна ему. Даже если это нечто совсем ужасное.

– Саша... Шурик... хочет поменять пол, – тихо произнесла Мария Карловна, потому что это была настоящая проблема. Лейсян безмолвствовала, приглашая молчанием поделиться деталями беды.

– Если б он был с детства каким-то больным, я б отправила его на лечение. Хоть рак, хоть диабет, хоть что... мы бы боролись до последнего, – Мария Карловна устало закрыла лицо руками. За усталостью стояли десятки разговоров, переговоров, скандалов и даже драк. Отец, узнав о решении сына, послушав его разговоры, не выдержал и вмазал шестнадцатилетнему пацану в морду. Остался синяк. Шурик обиделся. Мария Карловна ничего не сказала, она сама хотела дать в морду этому гаденышу. – Если б у него имелись склонности с детства – тоже б приняла. В конце концов, есть психологи и разные учреждения, способные вправить мозги. Но он абсолютно здоров, – прочеканила врач, – это какая-то глупость! Фарс! Издевательство!

Она перевела дух, глаза налились кровью от злости на непонятную ситуацию.

– В него как бес вселился. Он ведь с детства бабником был. Все в футбол играют, а этот в двенадцать уже целоваться лез. Мы его из кровати доставали. . . – она кашлянула, решив не продолжать до таких подробностей. – Я вообще удивлялась, как ни одного ребеночка не получилось от этого бабника. Он красивый, как Аполлон, на него вешаются, думают ему уже двадцать. А сопляку только шестнадцать недавно исполнилось, – она все-таки заплакала, вытирая слезы. – А тут три месяца назад приходит и выдает эту новость. Хочу стать женщиной. Уже все узнал. Надо год гормоны пить, чтоб отрезать все причиндалы, что Бог послал. Дает нам с отцом бумажку на подпись на гормоны. И мол, если не подпишете сейчас, дождусь восемнадцати и все равно Александрой стану. Или, говорит, убью себя.

Мария Карловна вперилась в Лейсян, которая держалась холодно.

– Отец ему вмазал, а тот хохотал, как черт. Он умный, хитрый, наглый, но не урод и не больной, – твердо сказала Мария Карловна и зачем-то схватилась за поясицу.

– Чему он учит вас, Маша? – спросила психолог.

Мария Карловна будто ослепла в темноте, перед глазами стояли два лица Лейсян и Шурика. Их обоих ей хотелось задушить, искромсать, истребить. Они мучили ее.

Но она не отставила фотографию Шурика, как это делала

много раз за этот вечер.

Наоборот, еще внимательнее всмотрелась в красивое лицо.

– Гордость моя, – сказала мать. – Самое слабое место мое. Ни Гриня, ни Кузя, ни Вася меня так не рвали, но через тебя мою гордость достали до самой матки.

– Вы очень гордый человек, – начала Лейсян, – это и понятно, обязывает положение. Но... – и она подбросила невидимый мячик Марии.

– Слишком гордый, – подхватила мячик врач-гинеколог, – такой гордый, что забыла, ради чего живу, ради чего рожала всех этих прекрасных юношей.

«Браво! – читалось на лице у Лейсян. – Браво!».

Глава 6. Выбор

– И что мне теперь делать? Он не сдастся, – почти плача, спросила Мария Карловна. – Он три раза резал вены. Два раза демонстративно. Третий раз я спасла...

– Вам плот или байдарку? – после продолжительной паузы спросила психолог.

– Не поняла? – переспросила гинеколог.

– Плот или байдарку? – глаза Лейсян улыбались, будто она не слышала комментария про самоубийственные попытки сына клиентки. – Пятизвездочный отель в Турции или

прохлаждение у бабушки на огороде не помогут. Тут нужно приключение на грани фола. Переживете? Останетесь живы. Не переживете? Вы все равно не жильцы.

– Он передумает с операцией? – не унималась мать. – Есть шанс?

Лейсян не ответила.

Семинар закончился в час ночи, хотя должен был в десять вечера. Но никто не ушел. А после окончания каждый из двадцати участников подошел к Марии и поблагодарил за удивительный опыт и пожелал удачи.

«Удивительный опыт, как выложить себе дорогу в ад», – грустно кивала Маша на пожелания удачи.

– Вы уж меня извините за резкость, – попросила прощения Лейсян. – Дело в том, что во время семинара иногда приходится быть жесткой, чтоб у клиента пропали иллюзии или чтоб не дать ему спрятаться за слезами и нытьем.

– Да ну что вы! – успокоила ее Мария Карловна, махнув рукой, – вы мне жизнь спасли. Я очень рада, что вы прижали меня к стенке. Этого не смогли сделать пятеро здоровых мужчин.

– Потому что они очень любят вас, – просто сказала девушка. – А я нет.

Мария Карловна прикусила губу, чтоб не разрыдаться.

«Любят, эх, очень любят... Да они ее ненавидят, и на их

месте она б сделала то же самое. Не мать, а ехидна», – подумала Мария Карловна.

– Очень любят, поэтому еще живы. Ради вас, – психолог взяла ее за руку и крепко сжала. Мария Карловна пришла в себя и, внимательно посмотрев в глаза психологине, поняла, что та не шутит и не ерничает, а говорит правду. Они ее действительно должны были очень любить, раз так обозлились за ее отсутствие.

Глава 7. Плот или байдарку

Ложиться спать не было смысла. Уже светало. Мария Карловна отправилась к своему домашнему компьютеру и приступила к поиску прописанного лечения. И в поисковой сети набрала «Плот или байдарка».

Если про плот врач-гинеколог что-то знала из литературы и детства, то байдарка, кроме как синоним лодки, больше не вызывала никаких ассоциаций.

Но после просмотра загруженных первых картинок, Марию Карловну охватило отчаяние: какое-то странное бревно с веслами, которые надо крутить, чтоб тащить вперед. Она плохо представляла себя в этом бревне, да еще на протяжении пары дней.

Когда набрала «плот», стало как-то легче и понятнее, но прочитанное описание: «готовка, стирка и безостановочное движение вперед», навело еще больший ужас. Как остаться

с пятью мужиками на квадратной доске посреди реки?

– Вам плот или байдарку? – спросили по телефону в туристической компании. – Просто сплав по речке или настоящее приключение на полноводной реке?

Мария Карловна молчала и попросила время подумать. А утром проснулся Шурик и опять, словно заведенный, завел разговор о смене пола. Мария Карловна инстинктивно выбрала плот.

Если в клинике да и в городе узнают о беде Земиных, это, конечно, не навредит ее железной репутации, но разразится страшный скандал. Хуже всего, что начнут пялиться на нее, как на жертву, станут жалеть и вести с ней слезные разговоры. В скором времени она станет посмешищем. Наступит невыносимый период. Хотя и он пройдет.

Мария Карловна поймала себя на мысли, что опять думает о себе, но не о сыне. Этом взбалмошном мерзавце, решившем проучить свою мать.

Она с теплотой посмотрела на сына, копавшегося в холодильнике, и сама не поняла, как предложила сплав на плоту взамен на гормоны.

Шурик аж обалдел от такой новости и закрыл холодильник.

– Четыре недели. Дальний Восток. Никаких компьютеров.
– И ты мне дашь разрешение и отец тоже? – хитро спросил

сын, а в глазах зажегся огонь.

– Я подпишу его там же на плоту в последний день сплава.

Отец тоже.

Шурик молчал, зная, что мать не шутит, она никогда не шутила, всегда говорила всерьез и если что-то обещала, то выполняла.

– Я подумаю, – сказал он. Но это означало «согласен».

Гордость не позволяла сказать сразу да.

Гордость – это диагноз страшнее любого неизлечимого заболевания. От гордости страдали дети.

После разговора Мария Карловна вдруг осознала, что назвала нереальные для ее графика работы даты сплава. Дай Бог бы выкрасть неделю, а тут четыре! Она заохала, не представляя, как разговаривать с начальством. Да ее попрут за четыре недели.

Однажды Мария Карловна сломала ногу, так на третий день вышла с гипсом и костылями на работу. Нещадно пила обезболивающие. Она хотела выйти сразу на второй, но из клиники позвонили и разрешили день отлежаться.

На кухню вошел Вася, бледный и задумчивый. Значит, болела голова. Панические атаки прекратились с принятием наркотиков, но в эти дни болела голова.

– А почему Дальний Восток? – спросил глухо Вася. Мария Карловна аж поперхнулась чаем. Как быстро Шурик растрепал новость.

– Если б я поехал, то на амурские сплавы... – налил и себе чая Вася.

– Так поехали, – неожиданно для себя сказала мать. А действительно, почему она думала только про младшего? Вася тоже мог бы присоединиться, взять свои таблетки...

Вася внимательно посмотрел на мать и тоже впервые задумался об этой идее.

Таблетки взять не проблема, если голова заболит...

– Ну возьмишь сильные, я тебе выпишу, – вслух сказала мать.

Николай ехать категорически отказался, во-первых, он только вернулся с охоты, где уже хлебнул воздуха и природы вдоволь. Во-вторых, ехать с одним нытиком, с другим выродком никак не вписывалось в планы мужчины.

– Если б Гриня поехал, я б еще подумал, – ворчал Николай под нос про то, что два младших не то что лодку не потащат, еще их придется на спине таскать.

Про Кузю никто не вспоминал.

Мария Карловна так и не спала ночь после семинара, но чувствовала себя хорошо, если не сказать прекрасно. Потому что засветилось, зарячело нечто на горизонте, затмевая беспробудное отчаяние.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.